

Candidate of Juridical Sciences **Inga Pantjuhina**, Associate Professor
Head of the Department of Criminal law and process
Ryazan State University named S.A. Esenin
Candidate of Juridical Sciences **Lyubov Larina**, Associate Professor
Department of criminal law and process
Ryazan State University named S.A. Esenin
Ryazan, Russia

Criminal policy in the sphere of protection of sexual integrity (comparative analysis of Russian and Latvian legislation)

Abstract. The article gives a comparative analysis of the regulation of sexual offences by the Russian and Latvian legislators. The authors defined similar and distinctive elements of sexual crimes, advantages and disadvantages of their regulation.

From among the identified advantages of regulation of the elements of sexual offences in the criminal laws the authors pointed out the most promising for use in the framework of improvement, especially those that can improve the quality of regulation of the elements of crimes and thus ensure to a greater extent the protection of sexual freedom and inviolability of a person both in Latvia and in Russia.

Key words: sex offences, sex abuse, rape, indecent assault, minor, qualifying features.

Juridisko zinātņu kandidāte **Inga Pantjuhina**, docente
S. Jeseņina Rjazaņas Valsts Universitātes
Krimināltiesību un kriminālprocesa katedras vadītāja
Juridisko zinātņu kandidāte **Ļubova Larina**, docente
S. Jeseņina Rjazaņas Valsts Universitātes
Krimināltiesību un kriminālprocesa katedra
Krievijas Federācija

Krimināla politika personas dzimumneaizskaramības sfērā (Krievijas un Latvijas likumdošanas salīdzināšana)

Anotācija. Rakstā tiek veikta dzimumnoziedzumu reglamentācijas salīdzinoša analīze Latvijas un Krievijas likumdošanās. Tiek noteiktas līdzīgas un atšķirīgas pazīmes noziedzumu sastāvu konstrukcijās, izvērtētas to priekšrocības un trūkumi.

Starp konstatētajām priekšrocībām dzimumnoziedzumu konstrukciju reglamentācijā apskatītajos krimināllikumos tika noteikti visperspektīvākie no tiem izmantošanas pilnveidošanā, kas spēj uzlabot noziedzīgu nodarījumu sastāvu konstrukciju kvalitāti un, tādējādi, lielākā mērā nodrošināt personu seksuālo brīvību un dzimumneaizskaramību gan Latvijā, gan Krievijā.

Atslēgvārdi: dzimumnoziedzumi, izvarošana, seksuāla vardarbība, netiklas darbības, nepilngadīgie, kvalificējošas pazīmes.

Кандидат юридических наук **Инга Пантюхина**, доцент
Заведующая кафедрой уголовного права и процесса
Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина
Кандидат юридических наук **Любовь Ларина**, доцент
Кафедра уголовного права и процесса
Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина,
Россия

Уголовная политика в сфере защиты половой неприкосновенности личности (сравнительный анализ российского и латвийского законодательства)

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ регламентации половых преступлений российским и латвийским законодателями. Определяются сходные и отличительные признаки конструкций составов преступлений, определяются их преимущества и недостатки.

Из числа выявленных достоинств регламентации конструкций половых преступлений, в рассмотренных уголовных законах, определены наиболее перспективные для использования в рамках их совершенствования, способных повысить качество конструкций составов преступлений и, тем самым, в большей степени обеспечить защиту половой свободы и половой неприкосновенности личности как в Латвии, так и в России.

Ключевые слова: половые преступления, изнасилование, сексуальное насилие, развратные действия, несовершеннолетние, квалифицирующие признаки.

Постановка проблемы, ее актуальность и значимость. Защита граждан от насилия является одной из приоритетных задач любого государства. Обеспечивается такая защита уголовно-правовыми запретами национальных законов на применение насилия в различных сферах жизнедеятельности человека, в том числе половой. В то же время регламентация таких запретов в разных странах существенно различается. Однако ни одной стране мира не удалось создать идеальных норм, способных удержать граждан от их нарушения, стало быть, требуется дальнейшая работа в этом направлении. Этим обусловлен интерес к сравнению регламентации норм законов разных стран, поскольку, как справедливо отмечал М. Ансель, «сравнение способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права» [1, 38].

После распада Союза ССР, во всех вновь образовавшихся государствах были проведены реформы законодательства, в том числе и уголовного. Первоначальные редакции ряда новых уголовных законов во многом совпадали. Так, достаточно близкой по содержанию была регламентация половых преступлений Уголовным законом Латвийской Республики [2] (далее УЗ Латвии) и Уголовным кодексом Российской Федерации [3] (далее УК России), однако динамика развития этих нормативных актов привела к серьезному расхождению их современного состояния. При этом изменить к лучшему ситуацию, связанную с посягательствами на половую сферу человека, не удастся пока ни в том, ни в другом государстве. Подтверждением тому служит рост отдельных видов половых преступлений или их стабильность. Так, в Латвии, на общем фоне снижения преступности в последние годы, растет число изнасилований. И если

в 2011 году их было зарегистрировано всего 50, то в 2012 году – 69, а в 2013 году – уже 73 [4]. Таким образом, только за два года их число выросло на 46 %. Уровень этих преступлений в общей структуре преступности соответственно по годам составил: 0,09% (2011), 0,13% (2012) и 0,15% (2013). В России, также на общем фоне снижения преступности, наблюдается снижение числа изнасилований и покушения на них в абсолютных показателях, однако уровень таких преступлений по тем же годам в общей структуре преступлений остается стабильным и ежегодно составляет 0,19% [5]. Изложенное дает основание предположить, что одной из причин стабильности и роста преступлений является несовершенство их законодательных конструкций, и, значит, необходим поиск новых подходов к их совершенствованию, поскольку действующие нормы нельзя признать эффективными.

Кроме того, настоящее исследование проводится с учетом последних изменений в уголовном законодательстве обеих стран.

Анализ последних публикаций по теме статьи. Вопросы уголовной политики в сфере половой неприкосновенности личности всегда вызывали интерес в науке. Сравнение регламентации отдельных составов половых преступлений Латвии и России затрагивались российскими учеными в рамках диссертационных исследований. В частности, сопоставление изнасилования проводилось Дыдо А.В. (*Dido A.V., 2006*) и Камневой А.Н. (*Kamneva A.N., 2009*), изнасилования и иных насильственных действий сексуального характера Поддубной Е.В. (*Poddubnaya E.V., 2008*) и Шуваловой Т.Г. (*Shuvalova T.G., 2011*). Ненасильственные сексуальные отношения с несовершеннолетними были сопоставлены Сяткиным Н.Н. в рамках диссертационного исследования (*Satkin N.N., 2013*) и изложены в опубликованной им статье [6, 45-47]. Однако специальных компаративных исследований законодательства Латвии и России в указанной сфере применительно ко всем составам преступлений не проводилось, по крайней мере, применительно к действующему на данный момент законодательству обеих стран.

Цель проводимого авторами исследования. Целью исследования является изучение действующего уголовного законодательства

России и Латвии в сфере защиты половой неприкосновенности личности, сравнительный анализ их норм, выявление наиболее целесообразных конструкций регламентации признаков составов половых преступлений, которые могут быть взаимно использованы законодателями этих стран в аспекте совершенствования действующего национального уголовного законодательства в данной области.

В Латвии половые преступления регламентированы в главе 16 УЗ «Преступления против нравственности и половые преступления» [2, статьи 159–166], тогда как в российском законодательстве преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности и против общественной нравственности разделены и регламентированы в разных разделах и главах уголовного закона. В УЗ Латвии пять преступлений из десяти, включенных в главу 16-ю, составляют посягательства на нравственность, а другие пять образуют половые посягательства. К числу последних, законодателем Латвии отнесены изнасилование (ст. 159), сексуальное насилие (ст. 160), сексуальные отношения с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 161), развратные действия (ст. 162) и склонение к действиям сексуального характера (ст. 162.1). Схожие составы преступления, предусмотрены в статьях 131–135 УК России [3]. К посягательствам на нравственность латвийским законодателем отнесены деяния, сопряженные с вовлечением и использованием проституции и оборотом порнографических материалов (ст. 163.1–166 УЗ Латвии), три из которых имеют аналоги в УК России (ст. 240, 241 и 242–242.2).

Отличия изнасилования, регламентированного в ст.159 УЗ Латвии, от регламентированного в ст.131 УК России, усматриваются, во-первых, в том, что потерпевшим в Латвии признается лицо любого пола, тогда как в России только лицо женского пола. Во-вторых, способом совершения изнасилования в УК России указаны насилие или угроза его применения, толкуемая лишь как угроза применения физического насилия. Иными словами, и насилие и угроза его применения российским законодателем, в изнасиловании понимаются в узком смысле. Латвийский законодатель альтернативой насилию также указывает угрозу, но без оговорки,

что она касается именно насилия. Из такой конструкции нормы следует, что угроза в УК Латвии представлена более широко, чем в УК России, и может выражаться, например, в шантаже и иных формах воздействия. Кроме того, способами изнасилования латвийский законодатель также указывает использование доверия потерпевшего, авторитета или иного влияния виновного на потерпевшего. Таким образом, способы совершения изнасилования в УЗ Латвии представлены гораздо шире, чем в УК России. В-третьих, согласно конструкции нормы УЗ Латвии, насилие и угрозы при изнасиловании обращены только непосредственно к самому потерпевшему, тогда как российская норма распространяет их и на других лиц, причем не только близких, а любых, в судьбе которых заинтересована жертва изнасилования. Позиция российского законодателя в данном вопросе обусловлена тем, что посредством применения насилия или угроз его применения к иным лицам, виновный оказывает воздействие на потерпевшую, принуждая ее к вступлению с ним в половое сношение против ее воли. По сути, жертву своей половой свободой, потерпевшая вступает в требуемые виновным отношения, тем самым обеспечивая защиту иного лица от насилия со стороны виновного.

Совпадающими признаками норм об изнасиловании УЗ Латвии и УК России являются форма деяния – половое сношение, а также установление в качестве альтернативы вышеуказанным способам изнасилования – использование беспомощного состояния жертвы.

Таким образом, сопоставление конструкций изнасилования, регламентированных в двух рассматриваемых уголовных законах, позволяет констатировать, что с одной стороны – норма об изнасиловании латвийского закона значительно уже, чем норма российского, поскольку насилие или угрозы как способ воздействия на волю потерпевшего, с целью подавления сопротивления жертвы направлены непосредственно на нее. С другой стороны – норма латвийского УЗ значительно шире российской, так как потерпевшими в Латвии признаются лица и женского и мужского пола. Кроме того, воздействие на потерпевшего не исчерпывается физическим насилием или угрозами его применения, поскольку предполагает и иные способы принуждения жертвы (иные

угрозы, использование доверия, авторитета или иного влияния) с целью подавления ее воли к сопротивлению и обеспечения вступления с ней в половой акт.

В число квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков изнасилования, в УЗ Латвии включены всего три обстоятельства: совершение деяния группой лиц (ч.2 ст.159), возраст потерпевшего – несовершеннолетие и лица не достигшие шестнадцати лет (ч.2 и ч.3 ст.159) и наступление тяжких последствий (ч.3 ст.159), причем без указания отношения к ним виновного (то есть независимо от формы его вины к наступившим последствиям).

Российским законодателем, в качестве квалифицирующих признаков, достаточно широко использованы обстоятельства, которые представлены в УК России самостоятельными составами преступлений. Так, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, предусмотренная в п.«б» ч.2 ст.131 УК России, образует состав преступления ст.119 УК России; заражение потерпевшей венерическим заболеванием (п.«в» ч.2 ст.131 УК России) является составом преступления, регламентированным ст.121 УК России; причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (п.«б» ч.3 ст.131 УК России) является самостоятельным преступлением в рамках ст.118 УК России; заражение потерпевшей ВИЧ-инфекцией (п.«б» ч.3 ст.131 УК России) образует преступление, предусмотренное ч.2–3 ст.122 УК России; причинение по неосторожности смерти потерпевшей (п.«а» ч.4 ст.131 УК России) – это состав, предусмотренный ст.109 УК России. Таким образом, из 11 отягчающих изнасилование признаков (с учетом разбивки ряда из них на отдельные, так как они являются составными – образованными из нескольких обстоятельств, каждое из которых может вменяться самостоятельным признаком), пять сконструированы по признакам составов преступлений, имеющих самостоятельную регламентацию в УК России. Два признака изнасилования: его совершение с особой жестокостью по отношению к потерпевшей или к другим лицам (п.«б» ч.2 ст.131 УК России) и повлекшее иные тяжкие последствия (п.«б» ч.3 ст.131 УК России) – представляют собой оценочные понятия. При этом вменение именно перечисленных квалифицирующих признаков изнасилования

вызывает трудности при квалификации содеянного и влечет судебные ошибки, подлежащие исправлению посредством переквалификации в суде вышестоящей инстанции [7, 672-673; 8; 9], в силу чего Верховный Суд РФ вынужден давать судам дополнительные разъяснения по их толкованию и применению.

Таким образом, в отличие от российского законодателя, латвийский использовал значительно более узкий подход к дифференциацииотягчающих обстоятельств изнасилования, в связи с которым она представляется более лаконичной и конкретизированной. Российскому законодателю давно стоит минимизировать использование оценочных признаков при конструировании составов преступлений или их отягчающих обстоятельств. Еще более необходим отказ от использования в качестве квалифицирующих признаков конструкций самостоятельных составов преступлений. Реализация таких мер способна привести к более четкой регламентации отягчающих признаков изнасилования, а также к облегчению его правоприменительной практики, и в целом, к позитивному изменению судебной деятельности. В частности, отказ от указанных признаков позволит вменить совокупность изнасилования и преступления, которое сопряжено с ним или сопутствовало его совершению, что исключит ряд встречающихся сегодня судебных ошибок.

Еще более существенные различия усматриваются в составах преступлений, предусмотренных ст.160 УЗ Латвии и ст.132 УК России. При этом отметим, что существенно отличаться они стали после изменений, внесенных в УЗ Латвии в 2014 году [10], ранее по своему содержанию они были более схожими. Сегодня их различия сводятся к следующим: во-первых, в ст.160 УЗ Латвии в частях 1-й и 2-й регламентированы разные составы преступлений, отличающиеся кругом насильственных сексуальных действий, а именно, в части 1-й сексуальные контакты без проникновения в тело потерпевшего, а в части 2й, наоборот, с проникновением. В ст.132 УК России все сексуальные действия, за исключением полового сношения против воли мужчины, охватываются единым составом преступления, предусмотренным в части 1-й указанной статьи. Остальные признаки составов преступлений, предусмотренные частями 1-й и 2-й ст.160 УЗ

Латвии, совпадают с регламентированными частью 1-й ст.159 УЗ Латвии. Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки ст.160 УЗ Латвии адресованы отдельно применительно к ч.1 и 2 ст.160 и построены аналогично конструкциям ч.2 и ч.3 ст.159 УЗ Латвии. Таким образом, если в российском законодательстве все квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки составов преступлений, предусмотренных ст.131 и 132 УК России являются, так сказать, «зеркальными», то в УЗ Латвии использован иной подход к построению их конструкций. Он обусловлен разделением сексуальных контактов сопряженных с проникновением в тело потерпевшего и без такового, как посягательств различной степени общественной опасности на разные составы преступлений, что представляет интерес в рамках перспективы использования такого подхода в российском законодательстве, однако требует более глубокого осмысления и дополнительного исследования.

Достаточно существенные различия, не смотря на их визуальную схожесть, усматриваются в отдельных признаках составов преступлений, предусмотренных ст.161 УЗ Латвии «Сексуальные отношения с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» и ст.134 УК России «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста». Так, в преступлении, предусмотренном ст.161 УЗ Латвии указана лишь верхняя граница возраста потерпевшего, которая определена шестнадцатью годами, тогда как в ст.134 УК России, хоть и в качестве отягчающего обстоятельства, но определена также его нижняя возрастная граница – 12 лет (ч.3 ст.134 УК России). Совершение преступления, прописанного в ст.134 УК России в отношении лица, не достигшего 12 лет, в зависимости от совершенных действий виновного, подлежит оценке по признакам особо квалифицированного состава преступления, предусмотренного п.«б» ч.4 ст.131 или п.«б» ч.4 ст.132 УК России. Такое положение установлено в примечании к ст.131 УК России, в котором определено, что лица, не достигшие 12 лет, в силу интеллектуального развития не способны в полной мере осознать смысла и последствий вступления в сексуальные отношения. Поэтому их согласие на вступление в сексуальные отношения не

имеет юридическое значения и при вступлении в таковые расценивается использованием беспомощного состояния потерпевшего. В УЗ Латвии подобной нормы нет. Диспозиция ст.161 УЗ Латвии охватывает любые сексуальные контакты совершеннолетнего лица с лицом, не достигшим 16 лет, при добровольном согласии последнего. В силу такой регламентации, латвийский правоприменитель вынужден в каждом конкретном случае индивидуально подходить к оценке интеллектуального развития лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, поскольку в зависимости от того понимал или нет потерпевший смысл совершаемых с ним действий, зависит квалификация содеянного (как состав преступления, предусмотренный ст.159, 160 или 161 УЗ Латвии). Таким образом, если в России этот вопрос решен однозначно, то в Латвии фактически отдан на усмотрение суда, поэтому в этом аспекте нормы УЗ Латвии серьезно проигрывают российским.

Латвийским законодателем в ст.161 УЗ запрещены такие действия как половой акт, анальный или оральный акт или иные сексуальные действия совершенные неестественным способом или другие сексуальные действия, составляющие физический контакт с телом жертвы. Таким образом, в указанной норме прописаны самые разнообразные сексуальные действия совершеннолетнего с лицом, не достигшим 16 лет. Такой подход латвийского законодателя следует признать более правильным, чем подход российского, которым в ст.134 УК России регламентирована ответственность только за три разновидности сексуальных действий: половое сношение, лесбиянство и мужеложство, определенные соответственно в частях 1-й и 2-й ст.134 УК России, образуя тем самым разные составы преступления. Какие-либо иные сексуальные контакты совершеннолетнего с лицом, достигшим 12 лет, но не достигшим 16 лет (анальный, оральный между лицами разного пола и др.) при добровольном согласии последнего на их совершение квалифицируются по ст.135 УК России как развратные действия. Такое положение справедливо критикуется российскими учеными и предлагается диспозицию ст.134 УК России дополнить указанием на «иные действия сексуального характера» [11, 23-24; 12, 22-23; 13, 142; 14, 10-11; 15, 98] и др.

В российском законодательстве применительно к половому сношению и иным действиям сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, регламентирован широкий спектр квалифицирующих признаков (ч.3–6 ст.134 УК России), тогда как в латвийском законодательстве, таковых не предусмотрено вовсе. В данном случае следует констатировать, что латвийское законодательство серьезно проигрывает российскому, поскольку исключает дифференцированный подход к уголовной ответственности за совершение рассматриваемого преступления при наличии различных обстоятельств, существенно повышающих его общественную опасность. В качестве таких признаков предусмотрены пониженный возраст потерпевшего (от 12 до 14 лет), совершение деяния в отношении двух или более лиц, совершение деяния различными преступными группами и совершение лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. В то же время отметим, что регламентация перечисленных признаков оставляет желать лучшего и многие российские ученые настаивают на их пересмотре и включении в их число таких квалифицирующих признаков как совершение деяния неоднократно; совершение родителем, родственником, работником воспитательного, образовательного, лечебного либо иного учреждения, обязанного осуществлять воспитание потерпевшего, заботиться о нем или осуществлять надзор; совершение с использованием зависимого положения потерпевшего; заражение потерпевшего венерическим заболеванием, ВИЧ-инфекцией; наступление тяжкого вреда здоровью потерпевшего или иных тяжких последствий и др. [16, 11; 17, 393; 14, 11; 18, 11-12].

Еще одним отличием ст.134 УК России от ст.161 УЗ Латвии является наличие примечания к ст.134 УК России. В примечании 1-м предусмотрены специальные условия освобождения от наказания за совершение преступления, предусмотренного ч.1 ст.134 УК России, а в примечании 2-м – особые правила назначения наказания за совершение этого же деяния, в случае разницы в возрасте между потерпевшим лицом и подсудимым менее четырех лет (в частности, установлен запрет на назначение наказания в виде лишения свободы). Подобных

норм в группе половых посягательств, регламентированных УЗ Латвии, не предусмотрено.

Существенно различается подход законодателей Латвии и России к регламентации развратных действий. В ст.162 УЗ Латвии дается легальное их толкование, тогда как в ст.135 УК России такового нет. Одной из особенностей развратных действий, согласно УЗ Латвии, является отсутствие в них соприкосновения с телом потерпевшего. Из это следует, что развратные действия носят только визуальный или звуковой характер, то есть выражаются в показе потерпевшему предметов и материалов порнографического характера (кино-, фото-, видео-), предоставлении ему аудиозаписей, литературы, содержащей описание сцен развращающего характера или в совершении сексуальных действий в присутствии потерпевшего и тому подобных формах. Сексуальные действия, сопряженные с соприкосновением с телом потерпевшего, образуют другие составы половых преступлений. Кроме того, если российский законодатель специально подчеркивает в ст.135 УК России отсутствие насилия при развратных действиях, то латвийский, наоборот, в качестве обязательных признаков указывает на их совершение против воли потерпевшего, посредством применения к нему насилия или использования доверия, авторитета или иного воздействия на потерпевшего, то есть предопределяет их насильственный характер. Таким образом, если указанные в ст.162 УЗ Латвии действия совершаются ненасильственным способом, без принуждения или без воздействия на волю лица, не достигшего 16 лет, то они остаются за рамками действия уголовного закона, как не составляющие общественной опасности, что вряд ли можно признать целесообразным. Еще одной особенностью понятия «развратные действия», регламентированного в УЗ Латвии является указание на цели их совершения – удовлетворение полового влечения или возбуждения полового инстинкта у потерпевшего.

Кроме указанных различий, так же стоит отметить признаки потерпевшего. Как и в предыдущем рассмотренном составе преступления, в ст.162 УЗ Латвии установлен максимальный возраст потерпевшего – шестнадцать лет, тогда как в УК России он также определен границами от 12 до 16 лет.

В целом следует признать, что содержание нормы УЗ Латвии, регламентирующей разврат-

ные действия, представляется более конкретизированным, чем в УК России. В то же время норма УЗ Латвии уже российской, так как не охватывает ненасильственные действия, которые тоже могут носить развращающий характер, а также исключает из числа развратных, действия сопряженные с физическим прикосновением виновного с потерпевшим. Но она же и шире российской, поскольку охватывает больший круг потерпевших и не устанавливает нижнюю возрастную границу таких лиц. Однако признать совершенной, ни латвийскую, ни российскую норму не представляется возможным, так как каждая из них содержит недостатки.

Квалифицирующим признаком развратных действий, латвийский законодатель устанавливает только тяжкие последствия (не раскрывая их содержания, что означает их оценочный характер). Российский законодатель в качестве таковых указывает возраст потерпевшего (от 12 до 14 лет); их совершение различными группами; совершение в отношении двух или более лиц; совершение лицом, имеющим судимость за половое преступление против несовершеннолетнего. Таким образом, уголовная ответственность за развратные действия в России представляется более дифференцированной, чем в Латвии, поскольку она зависит от возраста и количества потерпевших, числа виновных и их личности.

Также нельзя не отметить, что за совершение деяния, предусмотренного ч.1 ст.135 УК России предусмотрено то же самое специальное правило назначения наказания, что и в отношении ч.1 ст.134 УК РФ (примечание 2 к ст.134 УК России), чего также нет в УЗ Латвии.

Последним половым преступлением, предусмотренным латвийским законодателем, является склонение к действиям сексуального характера (ст. 162.1 УЗ Латвии). Судя по названию нормы, ее российским аналогом является понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК России). Однако содержание этих деяний позволяет утверждать, что это совершенно не похожие друг на друга посягательства.

Потерпевшим, в составе преступления, предусмотренном ст.162.1 УЗ Латвии является лицо, не достигшее шестнадцатилетнего возраста, из чего следует, что это деяние относится к половым посягательствам только против несовершеннолетних. Его объективную сторону составляют

альтернативные действия. Первым из них является побуждение к действиям сексуального характера. Способов его совершения в норме не определено, в связи с чем, есть основания полагать, что они могут быть любыми, кроме указанных в других половых преступлениях латвийского УЗ. Другим действием предусмотрено обращение к потерпевшему, с предложением о встрече с целью вступления с ним в половое сношение или иные сексуальные отношения. По сути, в указанной норме установлен запрет на выражение намерения виновного вступить с лицом, не достигшим шестнадцати лет в сексуальное отношение. Средствами его реализации законодателем указаны информационные и коммуникационные технологии или иные средства связи. Субъектом этого преступления является совершеннолетнее лицо.

Состав преступления, предусмотренный ст.162.1 УЗ Латвии введен в уголовный закон 30 октября 2008 года [19]. Думается, что его регламентация была продиктована приведением УЗ Латвии в соответствие с принятой в 2007 году Конвенцией Совета Европы «О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия». Статьей 23-й этой Конвенции, государствам-участникам предписано установление уголовной ответственности за любое умышленное предложение о встрече, с которым взрослый, при помощи информационно-коммуникационных технологий, обращается к ребенку, не достигшему возраста допустимого для сексуальных отношений, с целью совершения против него или неё любого сексуального насилия и (или) преступления, связанного с производством детской порнографии, если за таким предложением последовали практические действия, направленные на проведение такой встречи [20]. Вместе с тем, анализ ст.162.1 УЗ Латвии позволяет заключить, что норма, предусмотренная в ней, является более жесткой, чем конвенционное предписание, поскольку не требует, в качестве обязательного следствия, после указного предложения практических действий, направленных на ее проведение.

Россия также подписала указанную Конвенцию и в 2013 году ратифицировала, но с оговорками, в том числе в части ее ст.23 [21], что обуславливает отсутствие в УК РФ состава преступления, аналогичного предусмотренному в ст.162.1 УЗ Латвии. Совершение действий,

указанных в ст.162.1 УЗ Латвии на территории России может быть квалифицировано как приготовление к половому преступлению в отношении несовершеннолетнего. Однако, согласно ч.2 ст.30 УК России, уголовная ответственность наступает лишь за приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению. Это исключает ответственность за подобные действия, в целях совершения, например, развратных действий без отягчающих обстоятельств [22, 37], а также вступление в половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, также без отягчающих обстоятельств. Таким образом, следует согласиться с утверждением некоторых авторов, согласно которому «рекомендация Конвенции российским законодателем в полной мере не реализована, тогда как, с учетом распространенности использования сети Интернет, особенно среди подростков, она является весьма актуальной» [23, 80].

Как отмечено выше, ст.133 УК России, не смотря на схожесть названия со ст.162.1 УЗ Латвии устанавливает ответственность за совсем иное деяние. Во-первых, норма УК России призвана защищать лиц любого возраста. При этом совершение посягательства в отношении лиц, не достигших 14 лет, выделено в квалифицированный состав преступления. Во-вторых, запрещенное в ней действие сформулировано как понуждение к действиям сексуального характера, которое реализуется посредством шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо использование материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей). Аналог этой статьи в УЗ Латвии отсутствует. Вместе с тем, действия составляющие понуждение лица к вступлению в сексуальное отношение против его воли, совершенные в Латвии, в зависимости от формы выражения сексуального контакта к которому потерпевшего принуждают, могут составлять покушение на преступление (ч.5 ст.15 УЗ Латвии), предусмотренное ст.159 или 160 УЗ Латвии.

Основные результаты исследования, выводы

На основе первоисточников изучены нормы уголовного законодательства России и Латвии в области защиты половой неприкосновенности

личности, что позволило выявить их слабые и сильные стороны.

Несмотря на схожесть названий статей, регламентирующих половые преступления, содержание их норм позволяет утверждать, что латвийское и российское уголовное законодательство в половой сфере достаточно серьезно различается.

Выигрышными положениями латвийского законодательства, по сравнению с российским представляются следующие:

- 1) признание потерпевшими от изнасилования лиц любого пола;
- 2) разделение действий, составляющих сексуальное насилие на две разновидности: сопряженные с проникновением в тело потерпевшего и без такового, как обладающие разным уровнем общественной опасности;
- 3) четкость и лаконичность квалифицирующих признаков изнасилования и сексуального насилия, исключающая их оценочное, противоречивое, а значит, различное толкование, и их дифференциация в рамках преступлений трех уровней (степеней) общественной опасности;
- 4) регламентация всех форм сексуальных контактов (отношений) между совершеннолетним лицом и не достигшим шестнадцатилетнего возраста, при добровольном согласии последнего на их совершение, в рамках единого состава преступления (одной уголовно-правовой нормы);
- 5) легальное толкование понятия развратных действий, с обозначением их основных признаков; признание возможности их совершения как без применения насилия, так и посредством насилия и иных форм принуждения против воли потерпевшего;
- 6) регламентация склонения лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста к действиям сексуального характера, посредством использования информационных и коммуникационных технологий или иных средств связи.

Более удачными положениями российского законодательства, чем латвийского, в сфере половых преступлений представляются такие как:

- 1) регламентация применения насилия или угроз его применения, как способа подавления сопротивления жертвы изнасилования и иных насильственных действий сексуального характера не только к потерпевшим, но и другим лицам, поскольку применение к ним насилия или угроз его применения способно привести к желаемому результату – подавить сопротивление жертвы (что подтверждает судебная практика);
- 2) установление границ возраста потерпевшего (от 12 до 16 лет) в ненасильственных половых преступлениях (в половом сношении и иных действиях сексуального характера с лицом, не достигшим 16 лет и в развратных действиях);
- 3) признание лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста, находящимися в беспомощном состоянии, поскольку они не могут понимать характера и значения, совершаемых с ним действий, и соответственно признание их согласия, на совершение с ними сексуальных действий, юридически не значимым, и предписание оценки совершения любых сексуальных действий с такими лицами насильственными половыми посягательствами;
- 4) дифференциация уголовной ответственности за совершение ненасильственных половых преступлений в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста в рамках выделения квалифицирующих признаков этих преступлений.

Перечисленные положения могут быть взяты на вооружение законодателями обеих стран в целях совершенствования законодательства в сфере защиты половой неприкосновенности личности, повышения уровня качества законодательства, и его позитивного проявления на практике его применения.

В целом, компаративный анализ половых преступлений, предусмотренных уголовными законами Латвии и России, позволяет констатировать, что латвийский законодатель более широко обеспечивает защиту личности от половых посягательств, особенно в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, на что, в частности, указывает регламентация ст. 162.1 УЗ Латвии.

Список использованных источников:

1. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права / Очерки сравнительного права. Сборник. Сост.: Туманов В.А. (Вступительная статья, перевод) // М., 1981.
2. Kriminālikums. Latvijas Republikas likums / Pieņemts 17.06.1998., stājās spēkā 01.04.1999. // «Latvijas Vēstnesis», 199/200 (1260/1261), 08.07.1998., «Ziņotājs», 15, 04.08.1998. <http://likumi.lv/ta/id/88966-kriminallikums/>
3. Уголовный кодекс Российской Федерации / Федеральный закон РФ № 63-ФЗ. Принят 24.05.1996. Вступил в силу 01.01.1997. «Собрание законодательства Российской Федерации» № 25 от 17.06.1996 // М., 2014.
4. Reģistrēto noziedzīgo nodarījumu skaits // <http://www.csb.gov.lv/en/dati/registreto-noziedzigo-nodarijumu-skaits-30339.html>
5. Состояние преступности в России // <https://mvd.ru>
6. Сяткин Н.Н. Законодательная регламентация ответственности за половые, преступления в странах СНГ и Балтии (на примере сопоставления с преступлением, предусмотренным ст. 134 УК РФ) // Российский следователь, № 23, 2012.
7. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2010 года / Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практическое пособие. Сост. В.А.Давыдов, И.Н. Иванова; под общ. ред. В.М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. // М., 2014.
8. Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 31-098-35 // Бюлетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.
9. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 4П12ПР) // Бюлетень Верховного Суда РФ. 2013. № 1.
10. Grozījumi Kriminālikumā. Latvijas Republikas likums / Pieņemts 15.05.2014., stājās spēkā 14.06.2014. // «Latvijas Vēstnesis», 105 (5165), 31.05.2014. <http://likumi.lv/ta/id/266590-grozijumi-kriminallikuma>
11. Кантемирова К.Х. Теоретические и практические проблемы квалификации половых преступлений // Российский следователь. 2007. № 13.
12. Кахний М.В. Соотношение изнасилования и полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 5.
13. Коргутлова Т.А. Половые преступления: теоретические и практические аспекты // Современное право. 2009. № 10.
14. Романов В.Г. Уголовная ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Автореферат дис. (...) канд. юрид. наук // М., 2013.
15. Фаткуллина М., Островецкая Ю. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ // Уголовное право. 2009. № 5.
16. Мартиросьян А.М. Насильственные половые преступления в отношении несовершеннолетних (уголовно-правовой и криминологический аспекты). Автореферат дис. (...) канд. юрид. наук // Ростов-на-Дону, 2009.
17. Пантюхина И.В. О расширении квалифицирующих признаков половых преступлений / Право и политика: Сборник материалов 2-й Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию юридического факультета Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина 4 ноября 2013. Вып. 2 // Рязань, 2013.
18. Сяткин Н.Н. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: законодательный и правоприменительный аспекты. Автореферат дис. (...) канд. юрид. наук // Краснодар, 2013.

19. Grozījumi Krimināllikumā. Latvijas Republikas likums / Pieņemts 30.10.2008., stājās spēkā 27.11.2008. // «Latvijas Vēstnesis», 117 (3961), 13.11.2008. <http://likumi.lv/ta/id/183725-grozijumi-kriminallikuma>
20. О защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия: Конвенция Совета Европы от 25 октября 2007 года // http://www.aids.tomsk.ru/wp-content/uploads/2013/09/LanzaroteConvention_ru.pdf
21. О ратификации Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений: Федеральный закон Российской Федерации от 7 мая 2013 г. N 76-ФЗ // Российская газета. 2013 года 13 мая. № 6075.
22. Оберемченко А.Д. Развратные действия: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации. Диссертация (...) канд. юрид. наук // Краснодар, 2014.
23. Сенина О.А. Анализ соответствия уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних в России международным нормам // Юридическая наука. 2014. № 3.

References

1. Ansel, M. Methodological problems of comparative law // Essays on comparative law. The compilation. / Comp. Tymanov V.A. (Introduction, trans.) // M., 1981.
2. The Criminal Law. Law of the Republic of Latvia / Adopted 17.06.1998., Entered into force on 01.04.1999. // «Latvian Journal», 199/200 (1260/1261), 08.07.1998. «Ziņotajs», 15, 04.08.1998. <http://likumi.lv/ta/id/88966-kriminallikums/>
3. Criminal Code of the Russian Federation / Federal Law № 63-FZ. Adopted 24.05.1996. Entered into force on 01.01.1997. «Meeting of the legislation of the Russian Federation» № 25 from 17.06.1996 // M., 2014.
4. The registered number of crimes // <http://www.csb.gov.lv/en/dati/registreto-noziedzigonodarijumu-skaits-30339.html>
5. The state of crime in Russia // <https://mvd.ru>
6. Satkin, N.N. Legislative regulation of responsibility for sexual crimes in the CIS and Baltic countries (for example, matching a crime under Art. 134 of the criminal code) // Russian investigator. 2012. № 23.
7. The review of legislation and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the first quarter of 2010 // Jurisprudence in the Criminal code of the Russian Federation: scientific-practical guide / sost. V.A. Davydov, I. N. Ivanova, under the General editorship of C. M. Lebedev. 6th edition, revised and enlarged // M., 2014.
8. The definition of Judicial Board on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation No. 31-098-35 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1999. № 3.
9. The decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation (№ 4P12PR) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. № 1.
10. Amendments to the Criminal Code. Law of the Republic of Latvia / Adopted 15.05.2014., Entered into force on 06.14.2014. // «Latvian Journal», 105 (5165), 05.31.2014. <http://likumi.lv/ta/id/266590-grozijumi-kriminallikuma>
11. Kantemirova, K.H. Theoretical and practical problems of qualification of the sex crimes // Russian investigator. 2007. № 13.
12. Kahni, M.V. The ratio of rape and sexual intercourse and other sexual acts with a person under sixteen years of age // Issues of juvenile justice. 2007. № 5.
13. Korgyvtlova, T.A. Sex offender: theoretical and practical aspects // Modern law. 2009. № 10.
14. Romanov, V.G. Criminal liability for sexual intercourse and other actions of sexual nature with a person under sixteen years of age. Abstract of dissertation (...) of candidate of legal Sciences // M., 2013.

15. Fatkullina, M., Ostrovetska, Y. The problems of qualification of the crime Art. 134 of the criminal code of the Russian Federation // Criminal law. 2009. № 5.
16. Martirosyan, A.M. Violent sex crimes against minors (penal and criminological aspects. Abstract of dissertation (...) of candidate of legal Sciences // Rostov-on-don, 2009.
17. Pantyuhina, I.V. About extending the qualifying signs of sexual crimes / Law and policy: proceedings of the 2nd International scientific-practical conference dedicated to the 20th anniversary of the law faculty of Ryazan state University named after S. A. Esenin November 4, 2013. Issue 2 // Ryazan, 2013.
18. Satkin, N.N. Sexual intercourse and other actions of sexual nature with a person under sixteen years of age: legal and law enforcement aspects. . Abstract of dissertation (...) of candidate of legal Sciences // Krasnodar, 2013.
19. Amendments to the Criminal Code. Law of the Republic of Latvia / Adopted 30.10.2008., Entered into force on 27.11.2008. // «Latvian Journal», 117 (3961), 13.11.2008. <http://likumi.lv/ta/id/183725-grozijumi-kriminallikuma>
20. On the protection of children against sexual exploitation and sexual violence: the Council of Europe Convention of 25 October 2007 // http://www.aids.tomsk.ru/wp-content/uploads/2013/09/LanzaroteConvention_ru.pdf
21. On ratification of the Council of Europe Convention on the protection of children against sexual exploitation and sexual abuse: the Federal law of the Russian Federation dated may 7, 2013 № 76-FZ // The Russian newspaper. 2013. on may 13. №. 6075.
22. Oberemchenko, A. D. Indecent assault: criminal-legal characteristics and problems of qualification. dissertation (...) of candidate of legal Sciences // Krasnodar, 2014.
23. Senina, O.A. The analysis of the compliance of the legal protection of sexual integrity of minors in Russia with international norms // Legal science. 2014. № 3.

Summary

Protection of citizens against violence is a priority task of any state. It is provided through national criminal laws which prohibit violence in all spheres of people's behaviour, including sexual. No country of the world has managed to create ideal law norms capable to keep citizens from violation of laws. Therefore further work in this direction is required. This was the cause of interest for the authors in comparing criminal law norms of different countries.

After the disintegration of the USSR the criminal legislation was reformed in all newly formed states. Initially the Criminal law of Latvia and the Criminal code of Russia had a lot of common ground. Norms on sexual crimes were quite similar. But then as a result of numerous changes they began to differ. Thus the objective of the authors' research was to study the existing criminal laws of Russia and Latvia in the sphere of protection of sexual integrity of a person, and to carry out a comparative analysis of legal norms. The authors analysed the elements of sexual crimes, and this analysis can be applied by the legislators of both countries to the task of improving the legislation of their countries.

The authors discussed weak and strong points in the legislation of Russia and Latvia concerning the elements of sexual crimes. Despite the similarity of the titles of the Articles of the respective Criminal Codes, their content allows to assert that the Latvian and Russian criminal legislation with regard to sexual crimes differ seriously.

The points of importance in the Latvian legislation in comparison with the Russian one are:

- 1) recognition of damage incurred by rape to the persons of any gender;
- 2) division of sexual violence into two kinds: one connected with the penetration into the body of a victim and another without that;
- 3) definitive formulation of the qualifying signs of rape and sexual violence;
- 4) legislative definition of the concept of dissolute actions;

5) regulation of inducement of a person under sixteen years of age to actions of sexual character through the use of information and communication technologies or other means of communication.

The points of importance in the Russian legislation in comparison with the Latvian one in the respective spheres are:

- 1) definition of violence when it is used to suppress resistance of a victim of rape , but also victims of other sexual crimes,
- 2) establishment of age limits for the victim (from 12 to 16 years) in nonviolent sexual crimes;
- 3) differentiation of criminal liability for commission of nonviolent sexual crimes concerning the persons under the age of sixteen according to the qualifying signs of these crimes.

In the conclusion it is noted that the listed provisions can be used by legislators of both countries for improvement of laws in the sphere of protection of personal sexual integrity.